

Зашихина И.М.

ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 5. С. 118–128.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 118–128.

Научная статья
УДК 130.2:004
DOI: 10.37482/2687-1505-V465

ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего

Инга Михайловна Зашихина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: zashikhinaim@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор философского наследия Юка Хуэя, выдающегося мыслителя современности, придерживающегося критического взгляда на роль техники в пост-гуманистическом обществе. Автор исследует корпус текстов Хуэя и выявляет ключевые темы и концепции, раскрывающие уникальный вклад ученого в философию техники. Уделяется внимание предложенной Хуэем концепции космотехники, направленной на признание важности культурного многообразия в формировании будущего, и его критике имперской логики технологий, стремящейся к унификации и гомогенизации мира. Показаны основания, которые в перспективе, по Хуэю, могут привести к технологической гомогенизации и утрате культурного разнообразия в современном универсалистском технологическом проекте Запада. Рассматривается вклад гонконгского философа в цифровую гуманитаристику, включая его критические суждения об искусственном интеллекте и ChatGPT, и раскрывается его взгляд на то, как искусство и человеческое воображение способны рефлексировать над технологическими изменениями, предлагая альтернативные технологические горизонты. Актуальность работы обусловлена анализом оригинальных идей Юка Хуэя и тем, что, хотя гонконгский философ и признан в мире, в России он не имеет большой известности. Целью настоящей статьи является введение российского читателя в мир идей Юка Хуэя, поскольку данные идеи направлены на разрешение значимых технологических трансформаций и вызовов, стоящих в т. ч. перед нашим государством. Результаты анализа демонстрируют вклад Хуэя в современную интеллектуальную дискуссию и обозначают перспективные направления для дальнейших исследований в области философии техники и социальных наук.

Ключевые слова: Юк Хуэй, философия техники, технологическая гомогенизация, искусственный интеллект, ChatGPT, цифровая гуманитаристика

Для цитирования: Зашихина, И. М. ChatGPT и метафизика искусственного интеллекта: идеи Юка Хуэя о технологиях будущего / И. М. Зашихина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 118-128. – DOI 10.37482/2687-1505-V465.

Original article

ChatGPT and the Metaphysics of Artificial Intelligence: Yuk Hui's Ideas About the Future of Technology

Inga M. Zashikhina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: zashikhinainm@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

Abstract. This article provides an analytical overview of the philosophical legacy of Yuk Hui, a prominent contemporary thinker whose ideas offer a critical perspective on the role of technology in a posthumanist society. By examining Hui's body of work, the author identifies key themes and concepts that constitute his unique contribution to the philosophy of technology. Particular attention is paid to Hui's concept of cosmotechnics, aimed at recognizing the importance of cultural diversity in shaping the future, and his critique of the imperial logic of technology, which seeks to unify and homogenize the world. Further, the article identifies the rationale behind Hui's view on the prospects of technological homogenization and the loss of cultural diversity in the contemporary Western universalist technological project. Hui's contribution to digital humanities, including his critical perspective on artificial intelligence and ChatGPT, is pointed out. The study analyses how, according to Hui, art and human imagination are capable of comprehending and reinterpreting technological changes, thereby offering alternative technological horizons. This paper is relevant due to the fact that although Hui is recognized globally, he currently lacks significant visibility in Russia. The aim of this article is to introduce the Russian audience to Hui's ideas, since they may prove particularly important in the context of technological transformations and challenges facing this country. The results of the analysis demonstrate Hui's contribution to contemporary intellectual discourse and outline promising areas of further research in the fields of the philosophy of technology and social sciences.

Keywords: Yuk Hui, philosophy of technology, technological homogenization, artificial intelligence, ChatGPT, digital humanities

For citation: Zashikhina I.M. ChatGPT and the Metaphysics of Artificial Intelligence: Yuk Hui's Ideas About the Future of Technology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 5, pp. 118–128. DOI: 10.37482/2687-1505-V465

Введение. Гонконгский философ Юк Хуэй (Yuk Hui) по праву считается восходящей интеллектуальной звездой [1] и привлекает все большее внимание в академических кругах: от философии и теории медиа до архитектуры и политической теории. Его работы, посвященные философии техники, космотехнике, технологическому суверенитету, а также отношениям между технологиями, культурой и политикой, особенно в контексте незападных обществ, предлагают критически осмыслить место технологий в современном мире. Когда искусствен-

ный интеллект, глобальные сети и цифровые платформы коренным образом преобразуют нашу реальность, труды Хуэя бросают вызов устоявшимся представлениям о прогрессе, универсальности и будущем человечества. В России данный исследователь пока не имеет большой известности и редко цитируется [1–4]. Целью настоящей статьи является введение российского читателя в мир идей Юка Хуэя, чьи концепции могут оказаться особенно релевантными в контексте современных технологических трансформаций и вызовов, стоящих перед Россией.

Для достижения этой цели мы предпринимаем попытку систематизировать основные вопросы, изложенные в книгах, статьях и интервью Ю. Хуэя. В рамках анализа его концепции помещены в более широкий контекст глобализации и технологического развития. Мы продемонстрируем, как его работы критикуют гегемонию западных технологий и призывают к учету культурного разнообразия в формировании будущего технологий. В частности, рассмотрим такие темы, как проблема взаимосвязи технологий и культурного разнообразия, осмысление космотехники как способа понимания организации технических систем на глобальном уровне, технологического суверенитета в эпоху глобализации, а также критический взгляд на западную парадигму развития техники. Анализ, представленный через призму исследований Ю. Хуэя, позволит оценить вклад философа в современную интеллектуальную дискуссию и наметить перспективные направления для дальнейших исследований в области философии техники и социальных наук.

Следует отметить, что данная статья не является исчерпывающим анализом философских трудов Ю. Хуэя. Список работ философа внушает уважение. Еще большего уважения заслуживают глубина мысли и эрудиция философа, которые становятся очевидными при чтении его исследований. На страницах своих книг Хуэй ведет диалог с такими монументальными фигурами философской мысли, как Платон, Аристотель, Декарт, Юм, Кант, Гегель, Фреге, Гуссерль, Хайдеггер, Кассирер, Симондон, Бергсон, Стиглер, Гваттари, Фуко, Лиотар, Деррида, Делез и др. Проблема определения современного статуса техники в мире тянет за собой ниточки философских проблем и способов их решения. Кроме того, будучи китайцем по национальности, Ю. Хуэй не может не наследовать свойственную китайской философии способность сравнивать, помещать в контекст и приводить примеры, обращаясь к разным временным эпохам и апеллируя к ранним своим исследованиям. Безусловно, чтение

книг Хуэя представляет собой и сложную работу, и интеллектуальное наслаждение.

Изучая творчество Хуэя, мы понимаем, что невозможно разложить вопросы, которые рассматривает философ, по опубликованным книгам. К концептам своего анализа Хуэй возвращается буквально в каждой из работ. Так, вопросы космотехники, техноразнообразия, связи мышления и живописи, случайности и рекурсивности поднимаются философом во всех произведениях, упомянутых в данной статье. Для иллюстрации рассматриваемых проблем философ использует огромное количество примеров из работ как европейских, так и китайских, японских, русских исследователей и литераторов. На страницах его книг можно найти фотографии произведений известных импрессионистов, графиков, пейзажистов со всего мира. Такие интеллектуальные возвращения и экспрессивные примеры из области искусства позволяют глубже понять логику мысли Хуэя и сформировать связи между рассматриваемыми им концептами и общим социально-гуманитарным и философско-техническим дискурсами.

Несмотря на сложность замысла, обусловленную вышеописанными характеристиками трудов Хуэя, мы предпринимаем попытку четко сформулировать вопросы исследований гонконгского философа и его позицию по отношению к обозначенным проблемам в общем виде. Представляется, что такая форма обсуждения идей Ю. Хуэя позволит читателю получить информацию, необходимую для первоначальной рецепции этого выдающегося философа. Подобная работа бывает необходимой для знакомства с такими грандиозными философами, как Кант, Гегель, Ницше, Витгенштейн, Фуко, — с теми, чьи труды настолько сложны, многоярусны, изощренны и временами парадоксальны, что чтение отдельного произведения может удерживать от более глубокого знакомства с их философским наследием. Вероятно, спустя время исследования Хуэя будут стоять в одном ряду с книгами перечисленных мыслителей по причине их оригинальности, актуаль-

ности, ответственной аргументации и красоты контекста, в который он помещает свои умозаключения.

Реабилитация понятия «техника» и концепция космотехники. Ю. Хуэй обращается к философии Мартина Хайдеггера, чтобы понять связь между технологией и бытием [5]. И Хайдеггер, и Хуэй рассматривают технику не только как набор инструментов или устройств, но и как фундаментальный способ организации мира. Хуэй, подобно Хайдеггеру, использует феноменологический метод для исследования технологии. Он стремится понять, как технологии проявляются в нашем опыте, как они формируют наше отношение к миру. В отличие от Хайдеггера, который склонен к абстрактным рассуждениям о бытии, Хуэй предлагает более конкретный, контекстуальный и социально-ориентированный подход к философии техники. Хуэй критикует хайдеггеровский взгляд на технологию исключительно как угрозу. Он интерпретирует хайдеггеровское понятие *Gestell* («рамка», «опора», «постав») как систему, которая контролирует наш опыт и служит лишь для удовлетворения человеческих потребностей. *Gestell* означает, что любое сущее может быть ресурсом, ожидающим введения в эксплуатацию. В своей работе «Вопрос о технике в Китае» Хуэй поясняет, что «концепция Хайдеггера *Gestell* помогает нам понять, как технология обволакивает мир, превращая его в ресурс для человеческого использования» [6, с. 7]. Хайдеггер рассматривает технику как способ раскрытия сущего (*alétheia*), способ, которым сущее становится доступным [7, с. 99]. Однако, по мнению Хуэя, этот подход игнорирует конкретные исторические и культурные контексты развития техники, ведь в других культурах техника может развиваться в соответствии с иными принципами и целями. Например, в китайской культуре техника может рассматриваться как часть единого целого, с которым человек должен находиться в гармонии. Именно так в Китае относятся к природе, искусству, музыке. По Хуэю, вопрос о технике в Китае не решается

с позиции утилитарности. Философ изучает эту проблему в связке с понятиями справедливости и устойчивого развития и предлагает искать альтернативные западной метафизике пути взаимодействия с техникой.

Развивая вопрос о современном статусе техники в целом ряде своих работ, Хуэй утверждает, что цифровые объекты, такие как файлы, данные и программное обеспечение, не могут быть сведены к физическим объектам или абстрактным идеям [6]. Они обладают собственной онтологией, которая обуславливается их алгоритмической природой и способом существования в цифровом пространстве, и эта онтология влияет на нашу способность понимать мир и взаимодействовать с ним. Хуэй считает, что техника всегда формируется в контексте определенной культуры и ее представлений о космосе и месте человека в нем. Идея *техноразнообразия* (*technodiversity*) была предложена Хуэем вместо глобальной технологической унификации [6]. Глобальный западный проект техники базируется на аналитическом восприятии. Однако он не учитывает, что в основе миропорядка лежат невидимые связи и контекст, которые нельзя постичь рационально, но которые постижимы в культурной и эпистемологической традиции Китая.

Развивая идею техноразнообразия, философ исследует взаимоотношения между китайской философией и технологией и прослеживает связь между традиционными китайскими понятиями (*дао*, *шань-шуй*, *ци*, *ву-вей* и др.) и современными технологическими разработками. Подробно Хуэй останавливается на интерпретации даосского понятия *сюань* как нелинейной рекурсивной логики. «*Сюань*» («таинственный», «глубокий», «непостижимый») – термин, «используемый для описания формы мышления, которая пребывает где-то между метафизикой в западном смысле и суеверием» [6, с. 135]. Такое мышление, по словам философа, очень характерно для Китая. Перманентно осмысливая загадочные для исследователей понятия *конечность* и *бесконечность*, философ рассматривает их не в рамках ли-

нейной дихотомии по западному сценарию, но помещает между этими понятиями «сюань» – непрерывность движения жизни. По Хуэю, рекурсивная логика «сюань» способна разрешить загадку истока, которая неразрешима с помощью линейной – инструментальной и редукционистской – логики [6, с. 305]. Для объяснения Хуэй приводит следующую антиномию: «Тезис: в письме имеется ограниченное количество символов, с помощью которых можно полностью выразить мир. Антитезис: мир не может быть полностью выражен в письме, так как само письмо конечно, а мир бесконечен» [6, с. 304]. Чтобы устранить противоречие, необходимо исчерпать конечность языка, сделать так, чтобы язык включал в себя значения, которые не представлены непосредственно в его составляющих. В этом, согласно Хуэю, состоит смысл «исчерпания до неисчерпаемости» [6, с. 304]. Так работает рекурсивная логика. Поскольку нелинейная логика «сюань» свойственна китайскому образу мысли, она не может не работать в отношении всех артефактов китайской культуры, в т. ч. техники.

В работе «Вопрос о технике в Китае» Ю. Хуэй акцентирует внимание на вопросе, поставленном синологом Джозефом Нидэмом: почему современная наука и техника, несмотря на передовые технологии Древнего Китая, не возникли именно там? [6, с. 239]. Нидэм пишет, что при осмыслении вопроса развития техники стоит учитывать, что в Древнем Китае отсутствовала развитая геометрическая традиция в отличие от Древней Греции, где была развита аксиоматическая геометрия [8]. Китайская культура преуспела в алгебре и практических инженерных решениях, но отсутствие абстрактного, дедуктивного геометрического мышления ограничивало развитие теоретической базы для глубоких научных исследований. Нидэм рассматривает сложную систему публичного найма государственных чиновников, которая преобладала в китайском обществе. Успех в жизни ассоциировался не с техническими инновациями или предпринимательством, а с вхождением в бюрократическую

систему. Такое положение создавало мощный социальный стимул для изучения гуманитарных наук и конфуцианских принципов, необходимых для сдачи экзаменов и продвижения по службе, в ущерб развитию технических навыков и научным исследованиям.

Далее, как указывает Нидэм, важно то, что западная наука, основанная на механистическом мировоззрении, рассматривает мир как сложную машину, организм, состоящий из взаимозависимых элементов. В китайской же философии доминировал органический и холистический взгляд на мир. Подход к природе был скорее созерцательным и моральным, чем аналитическим и экспериментальным. Перечисленные выше экономические и социальные факторы повлияли на развитие технического вопроса в Китае настолько, что определили траекторию и характер этого развития, во многом отличные от западного пути. Хуэй высоко оценивает труд Нидэма и рассматривает его размышления как отправную точку для понимания глубоких культурных, социальных и философских факторов, которые формировали путь развития китайской цивилизации [6, с. 242].

Ключевым концептом, разработанным Хуэем, называют концепт *космотехники*, впервые представленный в 2016 году в книге «On the Existence of Digital Objects» [9, с. 433], а в русском переводе – в книге «Вопрос о технике в Китае» 2023 года [6]. Термин «космотехника» включает разнообразие технологий в различных географических регионах проживания человека, а также разные формы мышления и сложный набор отношений между человеком и окружающей средой [6, с. 17]. «Космотехника означает прежде всего слияние нравственного и космического порядка в технической деятельности; такое слияние выступает воссоединением фигуры и фона, но это не возвращение к метафизике единого и целого», – пишет Хуэй [9, с. 49]. Данный философский концепт подразумевает, что технология вплетена в систему общественных верований и ценностных мировоззрений, а потому не может существовать

отдельно от культуры. Вопрос о технике в западной культуре, как демонстрирует Хуэй в своих работах, всегда решался иначе, чем в китайской. С помощью анализа космотехники *ци* – *дао* философ доказывает, что в Китае апроприация современной западной философии техники невозможна. Так, своим концептом космотехники он бросает вызов западному технологическому детерминизму и открывает путь к пониманию разнообразия технологических традиций.

Рассматривая вопрос космотехники, Хуэй также критикует концепцию *антропоцена* – эпохи, когда человечество стало главной силой, разрушающей природные ресурсы и ведущей к экологической катастрофе [10]. Эта сила сосредоточена на западном человеке и игнорирует другие формы сосуществования с природой. Хуэй выступает против антропоцена из-за его тенденции к универсализации понятия «человек», подразумевающей, что все человечество в равной степени несет ответственность за экологический кризис. Философ утверждает, что подобное отношение игнорирует исторические и географические различия в производстве и потреблении, а также неравномерное распределение экологических последствий. Он не отрицает масштабов влияния человечества на планету, но ставит под сомнение универсальность и однородность человека, стоящего за этим влиянием. Влияние на планету, поясняет Хуэй, непропорционально исходит от определенных регионов и социальных групп, в частности от индустриально развитых стран и их бывших колоний.

Критика универсалистского технологического проекта. Хуэй опирается на традиционную китайскую философию, особенно на идеи даосизма и конфуцианства, чтобы предложить альтернативные рамки для понимания технологий и их связи с природой и обществом. Он стремится интегрировать незападные философские традиции в современные дискуссии о технологиях и будущем человечества. Философ рассматривает технику в Китае не как нечто принципиально отличное от природы, а как продолжение *дао* – универсально-

го принципа, лежащего в основе всего сущего [6]. Традиционное китайское искусство, такое как каллиграфия или живопись, часто понимается как техническое мастерство, но при этом в мировоззрении китайца оно не отделено от философского и духовного стремления к постижению *дао*. Мастерство в названных искусствах предполагает не просто владение техническими приемами, но и глубокое осмысление природы и места человека в мире. Кроме этого, Хуэй подчеркивает важность концепции *ци* («жизненной энергии») для понимания китайского отношения к технике [6, с. 139]. Техника должна способствовать циркуляции *ци*, а не нарушать ее. В контексте китайской традиционной медицины, где акупунктура и другие методы направлены на восстановление гармоничного потока *ци* в теле, особенно важно глубокое понимание природы человека и китайской философии. Также Хуэй исследует понятие *ву-вей* («недеяние») как способ подхода к технике. *Ву-вей* не предполагает пассивность, а скорее деятельность в соответствии с естественным ходом вещей. В техническом контексте это может означать разработку технологий, которые гармонируют с природой и человеческими потребностями, а не навязывают им неестественные изменения. По Хуэю, вопрос о технике в Китае – это вопрос о том, как построить будущее, которое не будет просто копией Запада, но будет соответствовать китайской истории и культуре.

В работе «Machine and Sovereignty: For a Planetary Thinking» Ю. Хуэй исследует сложные взаимоотношения между технологиями, машинами, суверенитетом и геополитикой в контексте планетарного мышления [11]. Здесь философ демонстрирует политическое в техническом и техническое в политическом. Технология, утверждает Хуэй, стала «главным полем битвы, где различные национальные государства вступают в конфликт» [11, с. 2]. Философ связывает суверенитет с эпистемологической традицией и подчеркивает, что европейская концепция технологии глубоко укоренена в философских традициях, начиная с греческой философии и далее в эпохе Просвещения.

Европейская мысль воспринимала технологию как инструмент для рационализации мира, подчинения природы и достижения прогресса. Эта концепция была тесно связана с идеей *ratio* – разума, который способен понять и контролировать окружающую среду. Позднее европейская универсалистская претензия была подкреплена колониальной экспансией. Европейские державы использовали технологии (оружие, транспорт, инфраструктуру) для завоевания и эксплуатации других территорий, одновременно навязывая свою культурную и технологическую модель всему миру. Хуэй пишет: «Европа больше не является исключительным местом производства универсальных истин. Постколониальная критика и технологическая сингулярность лишают Европу представления о себе как о центре разума и прогресса» [11, с. 229–247]. Планетарное мышление как способ осмысления глобальных вызовов и возможностей должно прийти на смену европейской политической эпистеме. В свою очередь, планетарное мышление, по Хуэй, предполагает признание взаимосвязанности всего человечества и необходимости совместного решения проблем, выходящих за рамки национальных границ [11, с. 9–18].

Вклад в цифровую гуманитаристику и критику искусственного интеллекта. Хуэй активно исследует вопросы, связанные с искусственным интеллектом, большими данными и цифровой культурой. Он предлагает критический взгляд на алгоритмическую логику, в т. ч. логику нейросетей, рассматривая ее как потенциальную угрозу для человеческой автономии и культурного разнообразия. Исследователь подчеркивает важность понимания философских и этических последствий развития искусственного интеллекта. В своей работе «ChatGPT, or the Eschatology of Machines» Ю. Хуэй характеризует ChatGPT не просто как технологический инструмент, а как симптом более глубокой проблемы, связанной с пониманием и развитием технологий в целом [12]. Хуэй предостерегает от слепого стремления к универсальному искусственному интеллекту, утверждая, что это может привести к техно-

гической гомогенизации и потере культурной самобытности. Идея универсального интеллекта является частью эсхатологического нарратива, в котором технологии понимаются как средство достижения некоего конца истории или утопического будущего. В контексте эсхатологии машин Хуэй анализирует ChatGPT как опасный инструмент, придуманный западными программистами исходя из западной ценностной перспективы. ChatGPT редуцирует сложность и многообразие мира к набору данных, лишая знания глубины и контекста.

Хуэй пишет, что стремление к универсальному интеллекту игнорирует тот факт, что интеллект всегда воплощен, контекстуально обусловлен и связан с конкретными культурными и историческими условиями [12]. ChatGPT, обученный на огромном количестве данных, стремится к универсальности, но при этом неизбежно воспроизводит предвзятости и ограничения тех данных, на которых обучен. Поскольку ChatGPT базируется преимущественно на западных данных, он может навязывать определенные культурные нормы и ценности, игнорируя или маргинализируя другие культурные традиции. Попытка диктовать универсальную истину может привести к интеллектуальному и культурному империализму. Нейросети представляют собой не столько интеллект, сколько эхо коллективного опыта человечества, часто искаженного и упрощенного. Одновременно, считает философ, необходима разработка технологий, которые учитывают и поддерживают культурное разнообразие, локальные знания и специфические потребности различных сообществ, включая разработку алгоритмов, обученных на локальных данных и отражающих местные ценности, или создание инструментов, которые позволяют сохранять и передавать традиционные знания [12, с. 7].

Хуэй утверждает, что современные технологии – не просто инструмент, они имеют глубокие метафизические последствия. Важной в данном контексте является китайская письменность. Философ рассматривает письменность не только как средство коммуникации, но и

как технологию, которая структурирует мышление, определяет логику и влияет на формирование идентичности [13]. Хуэй отмечает, что письменность задает рамки для организации информации и логического мышления. Различные системы письма, будь то алфавитное письмо, иероглифика или клинопись, по-разному влияют на то, как мы воспринимаем время, пространство, причинно-следственные связи. Например, линейное письмо, свойственное алфавитным системам, может способствовать более последовательному и аналитическому мышлению. Философ подчеркивает, что язык, мышление и культура неразрывно связаны. Письменность служит своего рода посредником, который усиливает и распространяет культурные ценности, мировоззрение и способы познания. Китайская иероглифика с ее сложной структурой и культурным значением выступает ярким примером этой взаимосвязи [14].

Китайский язык значительно отличается от европейских языков. Он является тональным, не имеет грамматического рода, обладает сложной системой иероглифов, в нем используется другая структура предложений. Китайский язык характеризуется высокой степенью контекстуальности и неоднозначности. Одно и то же слово или фраза может иметь разные значения. Так, иероглиф 意 (yì) может обладать несколькими значениями («идея», «мысль», «значение», «желание» и т. д.) – в зависимости от окружающих его иероглифов и общего контекста абзаца или предложения. Обработка иероглифов для их использования, например, в процессе обучения нейросетей требует специальных методов, учитывающих структуру и взаимосвязь между компонентами иероглифов. Хуэй предполагает, что особенности китайской письменности могут привести к созданию нейросетей, которые будут обладать иной логикой, чем обученные на алфавитных языках. Например, акцент на визуальной и ассоциативной памяти, присущий китайской иероглифике, может влиять на то, как нейросети обрабатывают информацию и делают выводы. Гонконгский философ подчеркивает, что, обучая нейросети на определенных языках,

мы формируем определенный тип интеллекта, который будет отражать особенности этого языка и лежащей в его основе культуры [14].

Искусство, время, воображение и случайность в мире технологий. В работе «Искусство и космотехника» Ю. Хуэй исследует взаимосвязь между искусством, технологией и космосом [7]. Он анализирует эвристический потенциал искусства, заключающийся в расширении и обогащении сенсорного опыта, и утверждает, что искусство может служить способом осмысления и переосмысления технологических изменений, а также создания альтернативных технологических горизонтов. Так, по Хуэю, живопись обладает уникальной способностью к визуализации абстрактных понятий и незримых аспектов реальности. Ключевой темой данной работы является «дух живописи *шань-шуй*» [7, с. 108]. Хуэй анализирует символизм китайского эстетического мышления на примере пейзажной живописи *шань-шуй* («горы и воды»): «Живопись *шань-шуй* служит местом встречи человеческого и космического» [7, с. 336]. Философ утверждает, что *шань-шуй* не является лишь эстетическим изображением пейзажа – это еще и манифестация космотехнической перспективы, определяющей китайское мировоззрение и, как следствие, влияющей на управление государством, культурой и ментальностью. Иными словами, это не только репрезентация природы, но и художественная и философская интерпретация соотносительности человека и природы в китайской культуре [7, с. 490]. Художник, рисуя горы и реки, не просто копирует увиденное, а стремится уловить *ци* – жизненную энергию, пронизывающую все сущее. Таким образом, живопись становится способом гармонизации с космосом. *Шань-шуй* можно рассматривать как некий инструмент, технологию, направленную на понимание мира и навигацию по нему.

Хуэй предлагает признать роль интуиции, контингентности и случайности как необходимых условий для творчества, инноваций и альтернативных путей развития, отказываясь от детерминистских взглядов [15, с. 30]. Имен-

но непредвиденные события, неожиданные встречи, ошибки и эксперименты открывают новые пути и возможности. Хуэй подчеркивает важность воображения, способного выйти за рамки существующих технологических ограничений и предложить новые возможности: «Мыслить – значит предлагать новое прочтение, обладающее преобразующей силой» [7, с. 112]. Воображение, интуиция, по его мнению, возникают из столкновения с неизвестным, с тем, что не может быть полностью предсказано или контролируемо. Философ считает, что мышление и интуиция взаимозависимы как фигура и фон, наука и искусство [7, с. 212]. В свою очередь, интуиция как фон ограничена культурно-эстетическим воспитанием субъекта: «У человека, выросшего в японской культуре и говорящего по-японски, может быть не такая интуиция, как у человека, выросшего в немецкой культуре, поскольку каждая из этих культур совершенствует разные типы чувственности» [7, с. 214]. Так Хуэй связывает воображение с понятием времени и исторического контекста: оно формируется под влиянием культуры, опыта и духа времени, и это тоже вопрос космотехники. Универсальный искусственный интеллект современных технологий, претендующий чуть ли не на человеческое воображение, не учитывает ни локальность, ни темпоральность культурно-эстетического фона, свойственного разным нациям [16].

Заключение. В настоящей статье была предпринята попытка систематического обзора и анализа философского наследия Юка Хуэя, выдающегося мыслителя современности, чьи работы предлагают глубокий и критический взгляд на место техники в постгуманистическом обществе. Изучив работы философа, мы выявили ключевые темы и концепции, которые формируют уникальный вклад Хуэя в область философии техники. Юк Хуэй предлагает альтернативный подход к традиционной философии техники, часто фокусирующейся на антропоцентричном взгляде и техническом прогрессе как самоцели. Исследованные работы охватывают широкий спектр тем, от истории математики и науки до роли алгоритмов

и искусственного интеллекта в формировании современных обществ, предвосхищая многие актуальные вопросы, связанные с этикой технологий, цифровым суверенитетом и будущим человечества. Гонконгский философ критически осмысляет связь между технологией, онтологией и космологией, рассматривая технику не просто как инструмент, но как активного агента, формирующего наше мировоззрение, культуру и саму реальность. Основным тезисом Хуэя является критика имперской логики технологий, которая стремится к унификации и гомогенизации мира посредством стандартизации и цифровизации. Ученый исследует, как техника, особенно цифровая, переопределяет пространство, время и наше восприятие мира, приводя к потере локальности, разнообразия и культурной специфики.

Анализ идей Хуэя показал прогрессивность его взглядов в переосмыслении техники. С одной стороны, он разделяет не-новую озабоченность по поводу онтологического статуса техники, с другой – выходит за пределы традиционных рамок, предлагая более широкий взгляд, учитывающий культурное многообразие и вызовы, связанные с глобальным технологическим развитием. В работе показано, по каким основаниям Хуэй критикует идею универсальной траектории развития технологий, заданную западной рациональностью. Он считает, что универсалистская идея игнорирует культурное, историческое и географическое разнообразие. В статье реконструированы выполненная Хуэем реабилитация понятия техники и предложенная концепция космотехники. Стремление ученого к признанию культурного многообразия в формировании будущего ставит под сомнение гегемонию западных технологических парадигм.

Анализ вклада Хуэя в цифровую гуманитаристику и его критического подхода к искусственному интеллекту, учитывающего концепции времени, воображения и случайности, позволяет оценить проницательность философа в отношении современных технологических вызовов. Примеры, взятые из работ

Юка Хуэя, показывают: технологии не просто нейтральный инструмент – они глубоко переплетены с культурными, историческими и политическими контекстами. Рассматривая ChatGPT как индикатор более масштабной проблемы, Хуэй предостерегает от потенциальных угроз, которые несет в себе погоня за универсальным искусственным интеллектом (технологическая гомогенизация, утрата культурного разнообразия и автоматизация мышления). Хуэй призывает к необходимости учитывать метафизические последствия искусственного интеллекта. Он подчеркивает роль письменности как технологии, формирующей мышление и идентичность, описывая китайскую иероглифику как пример глубокой взаимосвязи между языком, культурой и способами познания. Таким образом, работы Юка Хуэя являются важным напоминанием о необходимости осознанного и ответственного подхода к развитию технологий, который учитывает не только технические аспекты, но и их глубокое влияние на человеческое существование.

В целом идеи Юка Хуэя представляют собой ценный вклад в актуальную интеллектуальную дискуссию, предлагая нестандартные подходы и перспективные направления для дальнейших исследований в области философии техники и других гуманитарных дисциплин. Юк Хуэй оказал значительное влияние на различные области социогуманитарной науки, включая философию, теорию медиа, культурологию, научные и технологические исследования, а также архитектуру и дизайн. Рассмотренные нами темы, от технологического суверенитета и космотехники до критики искусственного интеллекта и изучения взаимодействия технологий с культурой, не только обогащают наше понимание технологического ландшафта, но и вдохновляют на размышления о будущем, в котором техника будет служить развитию человечества в его многообразии. Дальнейшие исследования, основанные на наследии Юка Хуэя, безусловно, будут способствовать более глубокому осмыслению сложных взаимоотношений между технологиями, культурой и обществом в XXI веке.

Список литературы

1. Розин В.М. Проект Юка Хуэя преобразования техники посредством искусства и гибридного мышления // *Философия и культура*. 2024. № 6. С. 140–152. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.6.71031>
2. Ивахненко Е.Н. Навстречу «новой эпистемологии»: рекурсивность и контингентность Юка Хуэя // *Эпистемология и философия науки*. 2022. Т. 59, № 3. С. 220–233. <https://doi.org/10.5840/eps202259351>
3. Ставцева О.И. Человек в эпоху антропоцена: постантропоцентрический горизонт // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2024. Т. 24, № 5. С. 119–127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V380>
4. Сосна Н.Н. «Нескончаемый гуманизм», «природный» космополитизм // *Филос. журн.* 2023. № 16(3). С. 118–131. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-3-118-131>
5. Yuk Hui. Heidegger and the Question Concerning Technology in Asia // *Heidegger in China and Japan* / ed. by Sai Hang Kwok, Qingjie James Wang. Königshausen & Neumann, 2022. P. 195–203.
6. Юк Хуэй. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике / пер. Д. Шалагинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 320 с.
7. Юк Хуэй. Искусство и космотехника. М.: АСТ, 2024. 515 с.
8. Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. 1. Introductory Orientations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1954. 318 p.
9. Yuk Hui. On the Existence of Digital Objects. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 2016. 336 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001>
10. Yuk Hui. Cosmotechnics as Cosmopolitics // *E-Flux J.* 2017. № 86. URL: <https://www.e-flux.com/journal/86/161887/cosmotechnics-as-cosmopolitics/> (дата обращения: 25.06.2025).
11. Yuk Hui. Machine and Sovereignty: For a Planetary Thinking. Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 2024. 352 p. <https://doi.org/10.5749/9781452973685>
12. Yuk Hui. ChatGPT, or the Eschatology of Machines // *E-Flux J.* 2023. № 137. URL: <https://www.e-flux.com/journal/137/544816/chatgpt-or-the-eschatology-of-machines/> (дата обращения: 25.06.2025).

13. Yuk Hui. On the Cosmotechanical Nature of Writing. URL: <https://youtu.be/qm7H1EwYSRg?si=z-G5N8Dqlm6MWa2Y> (дата обращения: 25.06.2025).
14. Yuk Hui. On a Possible Passing from Digital to Symbolic. URL: <https://youtu.be/Dle5zmspzIM?si=PJQkyAOwWx845a6B> (дата обращения: 25.06.2025).
15. Юк Хуэй. Рекурсивность и контингентность / пер. Д. Кралечкина. М.: VAC Press, 2020. 400 с.
16. Yuk Hui. Imagination and the Infinite – a Critique of Artificial Imagination // *Balkan J. Philos.* 2023. Vol. 15, № 1. P. 5–12. <https://doi.org/10.5840/bjp20231512>

References

1. Rozin V.M. Proekt Yuka Khueya preobrazheniya tekhniki posredstvom iskusstva i gibridnogo myshleniya [Yuk Hui's Project to Transform Technology Through Art and Hybrid Thinking]. *Filosofiya i kul'tura*, 2024, no. 6, pp. 140–152. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.6.71031>
2. Ivakhnenko E.N. Navstrechu “novoy epistemologii”: rekursivnost' i kontingentnost' Yuka Khueya [Towards a “New Epistemology”: Yuk Hui's Recursivity and Contingency]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 220–233. <https://doi.org/10.5840/eps202259351>
3. Stavtseva O.I. Man in the Anthropocene: A Post-Anthropocentric Horizon. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 119–127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V380>
4. Sosna N.N. “Neskonchaemyy gumanizm”, “prirodnyy” kosmopolitizm [“Endless Humanism”, “Natural” Cosmopolitanism]. *Filosofskiy zhurnal*, 2023, no. 16, pp. 118–131. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-3-118-131>
5. Yuk Hui. Heidegger and the Question Concerning Technology in Asia. Sai Hang Kwok, Qingjie James Wang (eds.). *Heidegger in China and Japan*. Königshausen & Neumann, 2022, pp. 195–203.
6. Yuk Hui. *The Question Concerning Technology in China: An Essay in Cosmotechnics*. Falmouth, 2016. 328 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Vopros o tekhnike v Kitae. Esse o kosmotehnike*. Moscow, 2023. 320 p.).
7. Yuk Hui. *Art and Cosmotechnics*. Minneapolis, 2021. 341 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Iskusstvo i kosmotehnika*. Moscow, 2024. 515 p.).
8. Needham J. *Science and Civilisation in China. Vol. 1. Introductory Orientations*. Cambridge, 1954. 318 p.
9. Yuk Hui. *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis, 2016. 336 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816698905.001.0001>
10. Yuk Hui. Cosmotechnics as Cosmopolitics. *E-Flux J.*, 2017, no. 86. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/86/161887/cosmotechnics-as-cosmopolitics/> (accessed: 25 June 2025).
11. Yuk Hui. *Machine and Sovereignty: For a Planetary Thinking*. Minneapolis, 2024. 352 p. <https://doi.org/10.5749/9781452973685>
12. Yuk Hui. ChatGPT, or the Eschatology of Machines. *E-Flux J.*, 2023, no. 137. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/137/544816/chatgpt-or-the-eschatology-of-machines/> (accessed: 25 June 2025).
13. Yuk Hui. *On the Cosmotechanical Nature of Writing*. Available at: <https://youtu.be/qm7H1EwYSRg?si=z-G5N8Dqlm6MWa2Y> (accessed: 25 June 2025).
14. Yuk Hui. *On a Possible Passing from Digital to Symbolic*. Available at: <https://youtu.be/Dle5zmspzIM?si=PJQkyAOwWx845a6B> (accessed: 25 June 2025).
15. Yuk Hui. *Recursivity and Contingency*. London, 2019. 319 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Rekursivnost' i kontingentnost'*. Moscow, 2020. 400 p.).
16. Yuk Hui. Imagination and the Infinite – a Critique of Artificial Imagination. *Balkan J. Philos.*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 5–12. <https://doi.org/10.5840/bjp20231512>

Информация об авторе

И.М. Зашихина – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Inga M. Zashikhina, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 26.06.2025

Одобрена после рецензирования 21.08.2025

Принята к публикации 25.08.2025

Submitted 26 June 2025

Approved after reviewing 21 August 2025

Accepted for publication 25 August 2025